

Через три дня, когда машина с номерами некоего военного округа въехала к дому Семьи Хань, Е Юньцзэ находился в больнице.

Его избили. Причиной тому стал сбор металлолома, которым они сейчас занимались. Чэнь Пин поднял на ноги всех детей из приюта, и они ходили по улицам, занимаясь мелким бизнесом и время от времени подбирая никому не нужные бутылки из-под алкоголя. Благодаря этому жизнь приюта в некоторой степени улучшилась. Е Юньцзэ тоже подумывал о том, чтобы развернуться с большим размахом, но в свои пять лет он совсем не хотел, чтобы на него смотрели как на чужака. Знания и кругозор этих людей всё же отличались от уровня Хань Ялиня, а потому все его действия не выходили за рамки того, что подобает делать ребенку. К тому же нынешняя обстановка была слишком щекотливой, так что это дело пока отложили.

Но где есть люди, там неизбежны споры и сплетни, тем более когда дело касается денег. Неподалеку от приюта жила некая Ян Хун. Ее муж умер давным-давно, оставив на ее попечение двоих полувзрослых детей. К тому же Ян Хун отличалась злым языком: она не только любила плести интриги, но и была довольно ленива и падкая до дармовщины, так что жизнь этой троицы была незавидной. Раньше, пока жизнь в приюте была тяжелой и бедной, эта женщина вела себя тихо, но стоило ей заметить, что жизнь приюта немного налаживается, а эта не слишком престижная работа приносит неплохие деньги, как в ее голове родился злой умысел.

Ее сыновьям было тринадцать и одиннадцать лет. Несмотря на столь юный возраст, оба уже были крепкими, рослыми и выглядели очень сильными. Она подбила их отбирать бизнес у детей из приюта, а вдобавок они стали перехватывать ребят на дорогах и отнимать деньги. Все эти дни Е Юньцзэ постоянно ходил вместе с детьми и ничего об этом не знал, однако из-за того, что несколько дней подряд им не удавалось ничего заработать, над приютом сгустились тучи, и все ходили вялые и обессиленные. Поначалу он бы и не стал обращать на это внимания, но всё дело было в Чэнь Пине.

Видя, что его маленькие товарищи ходят хмурыми и удрученными, Чэнь Пин разыскал толстяка, с которым раньше дружил лучше всех, и без труда во всем разобрался. Вспылив и забыв обо всем, Чэнь Пин со своим крошечным пятилетним телом отправился мстить обидчикам, и Е Юньцзэ, только что вернувшийся после развоза детей, как раз вовремя поспешил на помощь. Какими бы ни были побуждения Чэнь Пина, Е Юньцзэ, для которого тот был единственным братом, не мог оставаться в стороне. Хоть он и не был безрассудным человеком, но когда пятилетний ребенок противостоит подросткам, разница в силе была очевидна. В ходе драки он неминуемо получил травмы, причем довольно серьезные, и когда приехал Хань Чжэньтянь, он как раз находился в больнице, успокаивая испуганного Сяо Аня.

Сяо Аня, которого родители еще на день оставили дома, Линь Цзюнь осторожно привел в больницу. Брат, еще вчера бывший совершенно здоровым, на следующий день предстал перед ним с головой, замотанной в бинты, сквозь которые проступали капли крови. Напуганный малыш тут же залился слезами. Это был не громкий плач, подобающий его возрасту, а тихие, безмолвные слезы: его черные глаза смотрели прямо на Е Юньцзэ, пока он всхлипывал и плакал.

— Брат, тебе больно? — едва справившись со слезами, спросил Сяо Ань, после того как Линь

Цзюнь уложил его на кровать, а Е Юньцзэ выгнал всех остальных из палаты. Глаза мальчика после плача были красными, он прижался к нему вплотную и жалобно, словно кролик, повторил вопрос.

— Всё хорошо, малыш, не больно.

— Раньше, когда падал, так больно... — Сяо Ань потер собственную голову и, склонив набок головку, с полным недоверием посмотрел на него. Раньше он и сам падал, и это было так больно. Разве брату не больно?

— Ань-ань, папа с мамой снова ушли на работу? Что вкусного папа с мамой приготовили тебе вчера? Мясо! — стоило заговорить о еде, как глаза Сяо Аня мгновенно засияли. Е Юньцзэ мысленно усмехнулся: оказывается, натура завязатого лакомки закладывается с таких малых лет. В прошлой жизни Сяо Ань был послушным ребёнком и во всём слушался Е Юньцзэ, за исключением еды. Он испытывал к ней какую-то необъяснимую, фанатичную страсть, и каждый раз, когда заходила речь о еде, его глаза загорались. Чэнь Пин не раз подшучивал над ним из-за этой привычки, но отучить его так и не удалось. Выходит, эта черта сформировалась у него ещё в раннем детстве.

— Ань-ань много кушает?

— Много! Ань-ань съел вон какую тарелку! — малыш усердно обрисовал в воздухе большой круг, чтобы подчеркнуть, как много он на самом деле съел. Его глаза лучились чистой радостью, заставив Е Юньцзэ не удержаться и чмокнуть его в щеку. Сяо Ань, которого только что смутили таким проявлением чувств, судя по всему, даже не понял в чём дело, лишь весело прищурился и всем видом показывал, как ему приятно.

Именно такую тёплую картину и увидел Хань Чжэньтянь, когда толкнул дверь. Это зрелище помогло ему хоть немного улучшить своё изгаженное настроение. Ему одному было ведомо, каково это — когда всего за несколько дней ребёнок, который, вполне возможно, являлся его родным внуком, после жестоких побоев оказался на больничной койке. Для прославленного военачальника, всю жизнь проведшего на полях сражений, подобное известие стало тяжёлым ударом.

Когда второй сын сообщил ему, что с ним связался сын третьего сына, Хань Чжэньтянь едва не расплакался. Хотя вернувшиеся с того задания люди говорили, что Хань Ябай пропал без вести, а не погиб, каждый прекрасно понимал: в тех условиях шанс выжить был близок к нулю. Все эти семь лет он почти каждую ночь видел младшего сына окровавленным, и этот негиббемый человек украдкой проливал слёзы каждую ночь. Поэтому, услышав, что этот ребёнок может оказаться сыном его младшего, он тут же бросил все дела, скрыл всё от жены и помчался сюда.

Стоило ему взглянуть на лицо мальчика, как он безоговорочно признал в нём своего внука. И на то была причина: лицо Е Юньцзэ невероятно сильно походило на лицо его третьего сына, Хань Ябая.

Пока старик пристально разглядывал Е Юньцзэ, тот тоже заметил его. Глядя на этого высокого и грозного военного, кто бы мог подумать, что в будущем недуги и тоска изведут его до неузнаваемости. В прошлой жизни этот старик изо всех сил старался помочь ему, едва не поставив на кон благополучие всей Семьи Хань, но так и не дождался, пока внук признает свои

корни, и даже не смог попрощаться с ним перед смертью. Но к счастью, эта жизнь только началась, и у него есть целая вечность, чтобы искупить вину перед Семейей Хань за прошлую жизнь.

— Дедушка.

В тот самый миг, когда мальчик назвал его дедушкой, Хань Чжэньтянь больше не смог сдерживать слёз. Это слово вонзилось прямо ему в сердце, а мощное ощущение кровного родства заставило старика дать волю чувствам, которые он подавлял целых пять лет. Украдкой смахнув с глаз слёзы и напустив на себя самую мягкую за всю свою жизнь улыбку, он направился к ребёнку.

Раз старик не хотел показывать свои слёзы, Е Юньцзэ сделал вид, что ничего не заметил. По правде говоря, он и сам едва сдерживался: за всё то, что Семья Хань сделала для него, в этой жизни он оплатит им сторицей.

Опустив взгляд, он тепло улыбнулся мальчику и с удовлетворением заметил, что напряжение, вызванное появлением незнакомца, заметно спало.

— Дедушка, присаживайся! — он немного подвинулся в сторону, освобождая место, чтобы Хань Чжэньтянь мог сесть рядом.

— Где твои родители?

<http://bllate.org/book/24948/2951237>